

Бирюкова Анна Борисовна

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/6/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 6 (37). С. 8-11. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

УДК 93 (47-57)

Анна Борисовна Бирюкова

Самарский государственный технический университет

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[©]**

Результаты исследований получены в ходе выполнения работ по проекту в рамках программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013 гг.» П667 от 10 августа 2009 г.

Урбанизационное развитие Симбирской, Саратовской и Пензенской губерний в первой половине XIX века протекало крайне неравномерно. До конца 1830-х годов первенство по численности городского населения принадлежало Пензенской губернии. К горожанам здесь относились 9% всех жителей губернии, тогда как в Саратовской – 7%, а в Симбирской – 6% [18, с. 56]. Во второй четверти XIX века прирост городского населения в Пензенской губернии заметно снизился, а в двух других губерниях наоборот возрос. С 1826 по 1842 гг. в Саратовской губернии он составил 60%, в Симбирской – 40%, а в Пензенской – только 27% [Подсчитано по: 6, ф. 5, оп. 1, д. 2225, л. 1-40; 14, с. 309; 16, ф. 246, д. 65, л. 5; 19, ф. 1290, оп. 1, д. 3, л. 3; 23, с. 24-35]. Безусловным лидером по приросту населения в этот период были города Саратовской губернии. В целом прирост городского населения в регионе (72,3%) был выше, чем в среднем по стране (58,9%) [Подсчитано по: 21, с. 257].

К середине XIX века самой многочисленной по численности городского населения была Саратовская губерния, в городах которой проживало 10,4% населения. Аналогичный показатель в Симбирской губернии равнялся 8,9%, в Пензенской – 8,8%. В среднем в городах проживало 10% всего населения Среднего Поволжья, что было выше общероссийского показателя (9%) [4, с. 68; 14, с. 310].

В начале XIX века средневожские губернии насчитывали 37 городов, в конце 1840-х годов – уже 40. В 1836 г. в Саратовской губернии были основаны Новый Узень, Николаевск и Царев, а в 1851 году была образована новая губерния – Самарская. Однако урбанизация в регионе осуществлялась не за счет вновь основанных, а за счет развития уже существовавших городов. Наиболее интенсивно росли губернские (Саратов, Симбирск, Пенза), а также уездные торговые города, располагавшиеся на волжских берегах (Сызрань, Самара, Вольск) с удобными пристанями. На 10-15 тыс. человек возрастало летом население таких городов как Самара, Симбирск, Саратов. С апреля здесь появлялись бурлаки и сезонные рабочие [1, с. 374; 2, с. 25, 292]. Резко увеличилась численность населения в городах во время крупных ярмарок, длившихся нескольких недель.

К середине XIX в. ряд городов Саратовской и Симбирской губерний стали выполнять не только управленческие, но и торговые функции. Впрочем, далеко не все поволжские города в дореформенный период стали крупными торгово-промышленными центрами. Хозяйственно-экономическая жизнь городских центров Юго-востока России была связана, в первую очередь, с аграрной сферой.

По численности населения средневожские города можно разделить на следующие группы: 1) более 40 тыс. жителей; 2) 10-30 тыс. жителей; 3) 5-10 тыс. жителей; 2-5 тыс. жителей; 4) 1-2 тыс. жителей. До 40-х годов XIX века в Среднем Поволжье не было городов, с численностью населения выше 30 тыс. человек. Губернские города, а также уездный Вольск в первой четверти XIX века относились ко второй группе городов (10-30 тыс. человек). В 1840-х гг. во вторую группу входило уже 6 городов. Численность населения Саратова достигла в это время 42237 человек [23, с. 34]. В 1820-х гг. в городах первой и второй группы проживало только 34% городского населения, в 1840-е гг. – 46%. В третью группу в 1820-е гг. входили 8 городов, в 1840-е гг. – 10. Из них самыми населенными были Сызрань, Саранск, Кузнецк. Четвертая группа городов (2-5 тыс. человек) в Поволжье была самой многочисленной. В ряде городов (Алатырь, Ардатов, Буинск, Ставрополь, Царицын, Наровчат и др.) на протяжении полувека почти не происходил прирост населения. Города численностью менее 2 тыс. человек постепенно приходили в упадок, эволюционируя в сторону сельских пунктов [Подсчитано по: 6, ф. 5, оп. 1, д. 260, 261; 16, ф. 246, д. 65, л. 5; 19, ф. 1290, оп. 1, д. 3, л. 3; 22, с. 62; 23, с. 24-35].

В крупном городе отношения между людьми строятся косвенно, за счет вещных связей. Происходит ослабление родственных уз, уменьшается социальная роль семьи, межличностные отношения носят поверхностный характер, ослабевает действие традиций. В городах с населением 20-30 тыс. подобные тенденции усиливаются и становятся необратимыми [8, с. 21-29]. Поволжские города в первой половине XIX в. были лишь на пути к этому процессу. Рост городов в Среднем Поволжье был постепенным.

Типичный поволжский город в первой четверти XIX в. насчитывал 3 тыс. человек, в 1850-е гг. – 5 тыс. В Симбирской и Саратовской губерниях постепенно возрастало число городов с 5-10 тыс. жителей. В 1840-е гг. увеличилось число средних уездных городов.

В первой половине XIX века Среднее Поволжье, являясь частью обширного региона Юго-востока Европейской России, стало уже не окраинной, а внутренней территорией Российской империи. Поволжские губернии привлекали самые разнообразные группы населения, поэтому социальная среда средневожских городов не была однородной. Здесь были представлены все определенные законодательством сословия (дворянство, духовенство, купечество, мещанство, цеховые ремесленники, крестьяне), а также многочисленные межсословные группы (почетные граждане, отставные солдаты, разночинцы). В городском сообществе были сильны сословные и корпоративные связи. С другой стороны, в городах региона наблюдался рост социальной мобильности населения, как горизонтальной, так и вертикальной.

Особенностью сословного состава городов региона являлось значительное количество проживавших в них крестьян. В конце XVIII века их доля в городском населении составляла от 59% до 95% [3, с. 492]. Это объясняется происхождением поволжских городов, которые прежде были селами. Многие крестьяне, проживавшие в них, не желали переходить в городское гражданство. Поэтому, например, в Пензенской губернии даже в 1830-е годы среди городских жителей их было более половины [Подсчитано по: 6, ф. 5, оп. 1, д. 260, л. 4 об.; 6, д. 261, л. 5-10 об.; д. 2225, л. 12-60].

Городское население Саратовской губернии по своему сословному и этноконфессиональному составу отличалось от облика горожан Пензенской и Симбирской губерний. В городах Пензенской губернии, по данным 1840-х годов, мещан и цеховых было около 20%, в городах Симбирской губернии на их долю приходилось 42% всех жителей, а в городах Саратовской губернии они составляли большую часть населения (66,5%) [Подсчитано по: 23, с. 24-35]. Следует обратить внимание на характерную для второй четверти XIX века тенденцию: сокращение численности мещан и цеховых в «городском гражданстве». По сравнению с 1827 г. к середине XIX века доля этих сословных групп среди «городских граждан» в Пензенской губернии снизилась на 5,7%, в Саратовской – на 10,9%, в Симбирской – на 0,6% [21, с. 260-261]. Соответственно в «городском гражданстве» увеличилась численность гильдейского купечества.

Права на принадлежность к купеческому сословию приобретались через гильдейское свидетельство с обязательной уплатой повинностей по прежнему состоянию. Лицо, не выполнившее этих условий, называлось «временным купцом». Если свидетельство в срок не возобновлялось, право купца на торговлю аннулировалось, и он переходил в мещанство. Купец 3-й гильдии постоянно балансировал между опасностью разориться, перейти в мещанство или остаться в купеческом сословии. В третью гильдию записывались выходцы из казенных крестьян, вольноотпущенников, цеховых, однодворцев. Так, из причисленных в Самаре (1852 г.) к купцам 3-й гильдии около 40% были из государственных крестьян и вольноотпущенников; около 10% составляли мещане, остальные были из купеческих детей, родственников купцов 3-й гильдии или иногородних купцов [Подсчитано по: 24, ф. 150, оп. 2, д. 7, л. 1-8 об.].

Некоторые мещане и купцы в поволжских губерниях жили в сельской местности. В начале XIX века в уездах Пензенской губернии проживало 11% мещан и 4% купцов. К примеру, в Нижнеомовском уезде численность мещанских душ превышало их количество в городе более чем в 3 раза, купцов – в 15 раз [Подсчитано по: 6, ф. 5, оп. 1, д. 260, л. 39, 42]. Здесь были более выгодные условия торговли (торговая сеть на селе развивалась быстрее, чем в городе), не надо было вносить деньги на благоустройство, выполнять постоянную повинность. С 1846 г. с мещан и купцов, проживавших на селе, подати и повинности стали взиматься «и по поселянскому званию», и по основному сословию [19, ф. 571, оп. 1, д. 1474, л. 69-70]. В дальнейшем это привело к постепенному переселению купцов и мещан в города.

Среди купечества поволжских городов, как и по всей России, преобладали купцы 3-й гильдии. Купцов 1-й и 2-й гильдий было значительно больше в городах Саратовской губернии, а также в Самаре и Сызрани. Здесь купцы и, в частности, купцы-старообрядцы играли заметную роль в формировании социокультурного пространства. Во второй четверти XIX века саратовские купцы более активно начали проявлять себя в социальной жизни города. Они не только строили храмы, но и оказывали материальную помощь больницам, ассигновывали деньги на строительство учебных заведений, покупку новых книг для публичной библиотеки. Первая книжная лавка, открытая в Поволжье (1830 г.) принадлежала саратовскому купцу Дмитрию Максимовичу Вакурову [7, ф. 1283, оп. 1, д. 22; 15, с. 332].

В поволжских городах периодически возникали конфликты из-за недовольства «городских граждан» конкуренцией со стороны иногородних купцов и крестьян. Пришлое купечество имело больше экономической свободы, так как не платило сборов в казну города, по крайней мере, до конца 1840-х годов. К этому времени в купеческое сословие проникло немало разбогатевших крестьян, «которые не были связаны с общественными городскими интересами». Они оттесняли на второй план исконное купечество и даже становились городскими головами как, к примеру, выше упоминаемый нами купец Д. М. Вакуров [7, ф. 3, оп. 1, т. 1, д. 399, л. 5; 15, с. 73; 17]. Для поддержания статуса купечества с 1832 г. правительство ввело сословную группу почетных граждан. Однако в поволжских городах их численность не была значительной. В Пензенской губернии (1840-е годы) их было 4 человека, в Симбирской – 7, в Саратовской – 68 [6, ф. 5, оп. 1, д. 2555; 23, с. 24-35].

Численность дворян и чиновников в составе городского населения Поволжья постепенно возрастала. Так, например, в городах Пензенской губернии доля дворян и чиновников от всего населения составила в 1808 г. 1%, а в 1842 г. – уже 3,5% [Подсчитано по: 6, ф. 5, оп. 1, д. 260, 1223; 23, с. 24-35].

При этом наибольшее число потомственных дворян проживало в городах Симбирской губернии (72% в 1816 г. и 53,7% в конце 1850-х годов). В городах Пензенской губернии преобладало личное дворянство. В Саратовской губернии распределение дворян между этими категориями было более равномерным [11, с. 153-161]. В целом большинство проживавших в средневолжских городах дворян, имели личное дворянство и существовали за счет госслужбы [13, с. 146].

Социальный состав провинциального чиновничества в первой половине XIX века постепенно трансформировался. Основная часть провинциальных чиновников относилась к 14-9 классам «Табели о рангах». В 1827 г. было запрещено принимать на службу лиц из податных сословий, исключая выпускников высших учебных заведений. Тем не менее, около 65% получивших 8 чин с 1836-1843 гг. были выходцами из купечества, мещанства, почетных граждан и духовенства [12, с. 26]. Начиная с 20-х гг. XIX в., на государственной службе значительно возросло число «обер-офицерских детей», а среди чиновников Пензенской губернии увеличилась доля выходцев из духовного сословия и разорившихся купеческих семей. Несмотря на то, что численность дворян, чиновников и духовенства в средневолжских городах была весьма небольшой (по данным 1842 г. от числа всех горожан на долю дворян и чиновников приходилось 3,5%, духовенства – 1,3 %) [Подсчитано по: 23, с. 24-35], они сыграли заметную роль в формировании городской социокультурной среды.

Поволжские города были многонациональными, но преобладало здесь русское православное население. Автохтонные этносы (татары, мордва, чуваша) концентрировались в сельской местности, отдельные группы проживали в пригородных слободах. В городах Саратовской губернии жили немецкие колонисты и цыгане. В Саратовском и Камышинском уездах встречались поселения малороссов. «Иностранцы» появлялись в большом количестве в городах во время ярмарок. Татары и ногайцы гнали овечьи табуны через Саратов, Симбирск и другие города. Армяне, проживавшие в Саратове, закупали оптом хлеб и овес, отправляя его затем в Иран. Пестрый национальный состав Поволжья дополнялся немногочисленным еврейским населением. Самая большая еврейская община была в Саратове. В Симбирске в 1850-е годы проживало 113 евреев обоего пола [2, с. 46-48; 5, с. 172, 176; 6, ф. 5, оп. 1, д. 1502, л. 299; 9, с. 359].

Русские считали, что религиозные обычаи татар и евреев позволяют им обманывать православных. Чтобы не обострять межконфессиональную неприязнь, власти стремились контролировать торговые операции, предоставляя особые места для приезжавших торговцев. Экономические интересы староверов и сектантов, занимавших в Саратове, Сызрани, Самаре значительную экономическую нишу, входили в конфликт с укреплявшимися здесь позициями в торговле татар [9, с. 125]. Значительная часть перешедших в православие из других конфессий жили именно в городах. Так они в меньшей степени испытывали негативное отношение со стороны своего традиционного окружения.

Численность иностранцев в городах исследуемого региона была незначительной. Только в Саратове в 1820-е гг. их было 2,2% от числа всех горожан. В 1810-х гг. в Пензе проживали 16 немцев, итальянец и француз [6, ф. 5, оп. 1, д. 260, л. 7; 21, с. 264]. Первоначально немцы и другие европейцы, приезжавшие в поволжские города, жили обособленно, но к середине XIX в. начали селиться повсеместно. Русские подданные иностранного происхождения оказали заметное влияние на формирование сферы обслуживания. Среди аптекарей, врачей, учителей, хозяев первых кофеен и магазинов было много французов, немцев, итальянцев, оставшихся в поволжских городах после пленения в 1812 году [16, ф. 163, оп. 1, д. 6, л. 5; 10, с. 70; 20, с. 97]. Межконфессиональные конфликты не были типичны для Поволжья. Если они и возникали, то были следствием нестабильной ситуации, вызванной эпидемиями, пожарами или засухой.

Тесные контакты между различными социальными группами – купцами, мещанами, крестьянами, духовенством и разночинцами приводили к формированию особой социальной среды русского провинциального города дореформенной поры. Существовавшая сословная система не препятствовала вертикальной сословной мобильности горожан, хотя темпы ее были невысокими.

Социальные группы в городском гражданстве представляли собой сообщающийся сосуд. Купец мог разориться и стать опять мещанином, а мещанин или цеховой при наличии капитала мог записаться в гильдию. Проживание в городе купцов, мещан и цеховых еще не означало, что жители занимались торговлей или ремеслами. Однако в Саратове не только купечество и мещанство, но и представители других сословий занимались предпринимательством. «Дух» города здесь был совершенно иным, нежели чем в Пензе и Симбирске. Саратовские жители более рационально смотрели на мир. Одновременно с этим именно здесь купечество наиболее активно проявляло себя в социальной жизни города, особенно с конца 1830-1840-х гг.

Список литературы

1. **Арсеньев К. И.** Статистические очерки России. СПб: Тип. императорской Академии наук, 1848. 503 с.
2. **Бирюкова А. Б.** Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2009. 324 с.
3. **Бульгин И. А.** Об особенностях городов Среднего Поволжья во второй половине XVIII века // Города феодальной России / отв. ред. В. И. Шунков. М.: Наука, 1966.
4. **Водарский Я. Е.** Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М.: Просвещение, 1973. 159 с.

5. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при I отделении департамента Генерального штаба / сост. Буйвид, Безносиков. СПб.: Изд. при первом отд. Департамента Генштаба, 1853. Т. V. Ч. 2. 183 с.
6. Государственный архив Пензенской области.
7. Государственный архив Саратовской области.
8. Долгий В. М., Левада Ю. А., Левинсон А. Г. Урбанизация мира как социокультурный процесс // Урбанизация мира / под ред. Г. М. Лаппо. М.: Мысль, 1974. С. 19-31.
9. Духовников Ф. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. Саратов: Саратовское общество вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. С. 119-154.
10. Иелин Х. Л. фон. Записки офицера армии Наполеона. М.: Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1912. 84 с.
11. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменение в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1792-1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 153-161.
12. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России: 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.
13. Ломизова Н. И. Местное управление в губерниях Среднего Поволжья в 1801-1825 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2003.
14. Материалы для географии и статистики / сост. К. Ф. Сталь, А. Д. Рябинин. СПб.: Гл. управ. Генштаба, 1869. Т. 17: в 2-х ч. Ч. 1.
15. Министерство внутренних дел. Исторический очерк (1802-1902 гг.). СПб.: Б/и, 1901. 320 с.
16. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
17. Пензенские губернские ведомости. 1849. № 21.
18. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811-1913) // Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
19. Российский государственный исторический архив.
20. Руа Ж. Французы в России: воспоминания о кампании 1812 года и двух годах плена в России. СПб.: Лит.-научн. кн-во, 1912. 209 с.
21. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 559 с.
22. Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Симбирск: Симб. губ. стат. комитет, 1868. 282 с.
23. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндии и царства Польского составленные, в статистическом отделе Совета министров внутренних дел. СПб., 1842. 76 с.
24. Центральный государственный архив Самарской области.

УДК 241

Александр Константинович Вагнер

Уральский государственный университет им. А. М. Горького

ПРОБЛЕМА ЗАМЕЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ[©]

Глобализация выдвигает на первый план капитал и прибыль, а всевозможные границы – географические, культурные, этнические – мешают эффективному получению прибыли и неприемлемы современной экономикой. Глобализация ликвидирует границы и различия. Но если идентичность основывается на противопоставлении другому, чужому, неизвестному, то в современном мире это теряет свой смысл. Идентичность становится нерентабельным явлением. Но только потребительская идентичность растворяет индивида, способствует уничтожению географических границ. В этом состоит гомогенизирующая сила денег, сила желания покупать.

Не проходит и дня, чтобы человек что-то не приобрел в личное пользование, тем самым, хотим этого или нет, мы являемся неотъемлемой частью индустриального общества, все мы включены в процесс производства и потребления. В эпоху общества потребления одним из важнейших процессов является процесс замещения религиозной идентичности потребительской. Для того, чтобы проанализировать данную проблему, я считаю уместным, обратиться в основном, к работам З. Баумана «Текущая современность» и Ж. Бодрийяра «К критике политической экономии знака». Это отнюдь не случайный выбор. З. Бауман ставит проблему формирования «общества глобального производства и потребления», потребления как феномена всемирного масштаба и выясняет причины такого поворота мировой цивилизации. Ведь и до формирования индустриального общества люди во все времена покупали, пользовались, владели, но не «потребляли». Бауман затронул проблему ложной идентичности, основанной на поиске человеком себя лишь в производственной и потребительской сферах, совершенно забывая о таких категориях, как любовь, нежность, сострадание, тождественность, самопознание, и тем самым подменяя религиозную идентичность потребительской.

Основной движущей силой потребительского общества является продуцирование и стимулирование желания. После того, как желание порождается, человек стремится к избавлению от желаний либо подавляя его, либо исполняя его. Современное общество не приветствует процесс самовольного отказа от желаний, только путем его исполнения, «обладания чем-нибудь», желание должно уступить место другому желанию.